

Христианское Призвание

Проповедь Святого
Хосемарии об Адвенте.

07.12.2012

ХРИСТИАНСКОЕ ПРИЗВАНИЕ*

1 Начинается новый церковный год, и антифон сегодняшней Литургии напоминает нам о том, что в основе христианской жизни каждого из нас лежит призвание, полученное от Бога. “*Viastuas, Domine, demonstram ihi, et semita stua sedoceme*”, укажи мне,

Господи, пути Твои, и научи меня
стезям Твоим[1]. Укажи нам,
Господи, следы Твои, чтобы мы
могли следовать за Тобой,
достигая полноты Твоих
заповедей, полноты любви[2].

Размышляя о решении, которое
вы однажды приняли, о твердом
намерении всегда и во всем
следовать требованиям веры, вы,
как и я, должно быть, благодарите
Господа всем сердцем своим, ибо
осознаете без ложной скромности,
что в этом решении нет вашей
личной заслуги. Обычно мы
учимся обращаться к Господу в
детстве, глядя на своих родителей-
христиан. Затем учителя, коллеги,
знакомые разными способами
помогают нам не потерять Христа.

Впрочем, я не хочу обобщать:
открой свое сердце Господу и
расскажи Ему *свою* историю. Быть
может, однажды хороший друг,

обычный христианин, такой же, как и ты, раскрыл перед тобой панораму веры, глубокую и новую – но в то же время и старую, как Евангелие. Он заронил в тебе мысль следовать за Христом неотступно, серьезно, становясь апостолом апостолов. Быть может, на время ты лишился душевного покоя – до тех пор, пока ты не решился ответить на этот призыв Иисуса. Ты следовал за Ним добровольно, потому что ты так хотел – это и есть самый сверхъестественный мотив любого христианского поступка. Покой вернулся в твою душу и превратился в душевный мир. Пришла радость – глубокая и постоянная, и покидает она тебя лишь тогда, когда ты от Него удаляешься.

Я не люблю говорить о людях избранных, особенных. Но если нас избирает Христос, то именно

избранность должна быть темой наших раздумий. Апостол Павел пишет:

“elegit nos in ipso ante mundum constitutionem ut essemus sancti”, Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы [3]. Мы избраны – но наша избранность не наполняет нас гордыней, не возбуждает чувства превосходства. Напротив: именно в ней мы обретаем смижение. Слышал ли кто-нибудь из вас о памятнике кисточкам великого живописца? Ведь кисти – это всего лишь орудие, посредством которого создается гениальное полотно. Вся заслуга принадлежит художнику. И мы, христиане, – только кисти, инструменты в руках Создателя мира и Спасителя всего человечества.

Апостолы – обычные люди

2 Меня всегда волновал эпизод из Евангелия о призвании первых двенадцати. Поразмыслим же о нем неторопливо, прося этих святых свидетелей Господа помочь нам следовать за Христом так же, как последовали они.

Эти первые апостолы, которых я глубоко почитаю и люблю, были – по нашим, человеческим критериям, – не особенно-то важными птицами. Их социальное положение не назовешь высоким. Пожалуй, только Матфей зарабатывал на жизнь с избытком – но и он оставил все, когда попросил его об этом Иисус. Все же прочие промышляли по ночам рыбной ловлей, чтобы прокормиться.

Но низкое положение в обществе не имеет значения... Эти бедные рыбаки были необразованы и не очень умны: они не понимали

сверхъестественных истин. Даже самые простые сравнения и примеры казались им непонятными и туманными. Снова и снова обращались они за помощью: “*Domine, edisserenobisparabolam*”, Господи! изъясни нам притчу[4]. Когда Иисус говорит им о закваске фарисейской, они думают: это Он упрекает нас за то, что мы забыли купить хлеба[5].

Бедны, невежественны... Да к тому же не всегда прямодушны, не всегда искренни. Зато всегда честолюбивы и часто спорят о том, кто из них будет почитаться большим, когда Христос восстановит на земле царство Израилево... Впрочем, царство это они понимают по-своему... Спорят и во время Тайной Вечери, в тот самый момент, когда Иисус готовится принести Себя в жертву

для спасения всего человечества[6].

И веры в них мало. Сам Христос об этом свидетельствует[7]. Они видели, как Он воскрешает мертвых, исцеляет всевозможные болезни и немощи, умножает хлебы, успокаивает бури и изгоняет бесов. Они это видели – но только блаженный Петр, избранный главой апостолов, сумел без раздумий ответить на вопрос Учителя: *Ты Христос, Сын Бога Живого[8]*. Впрочем, верует он на свой лад – и вот уже прекословит Христу, готовому принести Себя в жертву ради спасения душ человеческих. Иисус вынужден прервать его словами: *Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн; потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое[9]*. Святой Иоанн Златоуст поясняет: *Петр рассуждал слишком по-*

человечески и пришел к выводу, что все это: Страсты и Смерть Иисуса – недостойно Еgo и дурно. Но Иисус исправляет его и говорит: нет, страдание Меня достойно; а ты так судишь, ибо рассуждаешь по-человечески, по плоти[10].

Итак, они – маловеры. Но, быть может, сердца их пылают любовью к Учителю? Кажется, они и в самом деле Его любили. Во всяком случае – на словах. Порой они отдавались высоким и благородным порывам: *Пойдем и мы умрем с Ним[11]*. Но в час испытания бежали все – кроме Иоанна, который любил Его воистину. Только этот отрок, младший из апостолов, остался у Креста. Остальные не знали той любви, которая сильнее смерти[12].

Такими были ученики, которых избрал Господь. Такими Он их призвал. Такими они оставались – вплоть до того дня, в который, исполненные Духа Святого, они стали столпами Церкви[13].

Обычные люди, со своими недостатками и слабостями. Они сильнее в речах, чем в делах. И все же Христос их избрал – чтобы сделать ловцами человеков[14], соспасителями Ему и управителями благодати Божией.

3 С нами случилось то же самое. И в семейном кругу, и среди друзей и коллег мы могли бы без труда найти людей, более, чем мы, достойных призываия Божия. Они – скромнее, благороднее и великодушнее. Они – умнее, солиднее и влиятельнее нас. И таких, как они, в мире – множество.

Когда я об этом думаю, мне становится стыдно. И в то же время я понимаю, что наша человеческая логика не в состоянии объяснить чудо благодати. Бог часто отыскивает и берет в Свои руки не самые лучшие инструменты, чтобы стало ясно, что это дело Его, а не наше. Апостол Павел вспоминает с дрожью день своего призвания: *А после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию***[15]**. Так и пишет Савл Тарсянин – с присущими ему прямотой и силой.

Это призвание, как я уже упоминал, получено нами не оттого, что мы его заслужили. Ведь мы так ясно осознаем свои недостатки, свое убожество... Мы знаем, что вера, светоч наших

душ, и любовь, нас ведущая, и надежда, нас поддерживающая, – это безвозмездные дары Божии. Поэтому, если смирение не возрастаёт в нас с каждым днем – значит, мы забыли напоминание апостола Павла: Господь избрал нас, “ut essemus sancti”, чтобы мы были святы. Цель Божьего избрания – личная святость. Мы не должны терять ее из виду.

Только через смирение мы можем постичь это чудо божественного призыва. Христос Своей рукой собирает нас с пшеничного поля. Он сжимает зерна в Своей пронзенной руке, и после разбрасывает их – чтобы они, орошенные Его кровью, умерев, стали жизнью и, уйдя в землю, проросли полновесными золотыми колосьями.

Настал час пробуждения

4 Апостольское послание, которое мы читали во время Литургии, напоминает нам о том, что Христос ждет от Своих апостолов – от нас! – готовности, ревности и усердия. *Наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света*[16].

Не без основания, вы скажете, что это совсем не просто. Враги человека, враги его святости силятся поставить препоны этой новой жизни, этому облечению в жизнь Христову. Я не нашел лучшего перечня препятствий на пути христианской преданности, чем слова апостола Иоанна: “*concupiscentiacarnis, concupiscentiaoculorumetsuperbiavitae*”, все, что в мире: похоть плоти,

похоть очей и гордость
житейская...[17].

5 Похоть плоти – это не только беспорядочные порывы наших чувств, не только сексуальное влечение, которое, конечно, должно контролироваться, но само по себе не является чем-то нечистым, поскольку его можно и должно освящать. Поэтому я никогда не говорю о порочности. Я говорю о чистоте – ибо о ней говорит и Христос, обращаясь ко всем людям: *Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят*[18]. Призванные Богом проявляют добродетель чистоты по-разному. Одни – пребывая в браке. Другие – отказываясь от земной любви, чтобы отдать себя всецело любви Божией. Ни первые, ни вторые не являются рабами чувственности, ибо сами властвуют над своим телом и своим сердцем. А значит –

вольны самоотверженно вручать их другим.

Обычно я говорю не о чистоте, но о *святой* чистоте. Христианская святая чистота – это не горделивое чувство собственной незапятнанности, но ясное сознание того, что ноги у нас из глины[19] – и лишь благодать Божия избавляет нас от соблазнов дьявола. Я считаю искажением христианского учения упорство тех, кто желает писать и проповедовать только на эту тему. Ведь они забывают о других качествах, не менее важных не только для христиан, но и для тех, кто хочет жить в согласии и мире.

И впрямь – святая чистота не единственная и даже не главная христианская добродетель. Тем не менее, она необходима для повседневного освящения нашей жизни. Без нее невозможно и

апостольское служение. Чистота – это не отрицание, но ликующее утверждение. Не унылый отказ от того, что мы любим, но результат любви, с которой мы вручили Господу свои тела и души, способности и чувства.

Я говорил, что похоть плоти не сводится к чувственности. В самом деле, она несет в себе также любовь к удобствам, поиск легких путей в жизни. Она идет на всевозможные компромиссы и не боится нарушать Закон Божий.

Поступать так – значит целиком поддаться закону греха, от которого предостерегает нас апостол Павел: *Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоречивший закону ума*

*моего и делающий меня
пленником закона греховного,
находящегося в членах моих.
Infelix ego homo! Бедный я человек!
кто избавит меня от сего тела
смерти?**[20]** И тут же – ответ
апостола: Благодать Бога моего
Иисусом Христом, Господом
*нашим**[21]**.* Мы можем и должны
бороться с похотью плоти, ибо
Господь безотказно дарует нам
Свою благодать – если мы
смиренны.*

6 Другой враг, о котором говорит апостол Иоанн, – это похоть очей, ценящая лишь то, чего может коснуться. Похоть очей, устремленных к земному и закрытых для небесного. Беспорядочная любовь к земным богатствам. Беспорядочное поведение тех, кто смотрит на людей и события нашей жизни, нашей эпохи с исключительно человеческой точки зрения.

Глаза души ослепляются. Разум объявляет себя суверенным и способным понять все без помощи Божией. Это – тонкое искушение ума, данного Богом человеку, чтобы тот мог познать и полюбить Его добровольно. Забывая об этом, гордый ум ощущает себя центром всего сущего. Он снова поддается искушению дьявола: *Вы будете, как боги*^[22] – и в результате, переполненный себялюбием, поворачивается к любви Божией спиной.

Когда мы так поступаем наше бытие предается целиком в руки третьего врага – “*superbia vitae*”, *гордости житейской*. И дело здесь не в мелочном самолюбии, не в преходящих тщеславных помыслах. Нет, гордость житейская – это самодовольство, что полностью овладевает душой человека. Гордыня – худшее из

зол, источник всех падений. Мы неустанно должны бороться с ней. Не зря говорят, что наша гордыня умирает лишь через день после нашей смерти. Она – высокомерие и надменность фарисейские, мешающие действию благодати Божией. Она – снисходительность, людей презирающая, людьми пренебрегающая. Ибо, где *гордость, там и обида и посрамление*[23].

Милосердие Божие

7 Сегодня начинается Адвент* – и это время прекрасно подходит для размышлений о том ущербе, что наносится душе, когда она обуреваема легкомыслием и чувственностью. О безумии разума, который противится Богу. О высокомерной самонадеянности, которая делает невозможными любовь к ближнему и любовь к Богу. Все это

– препятствия на пути к святости. Поэтому сегодня за Литургией мы молимся о милосердии Божием: *К Тебе, Господи, возношу душу мою. Боже мой! на Тебя уповаю, да не постыжусь, да не восторжествуют надо мною враги мои***[24]**. И в антифоне во время приношения даров повторяем: *На Тебя уповаю, да не постыжусь вовек!*

Сейчас, когда приближается миг нашего спасения, так утешительно звучат слова апостола: *Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости***[25]**.

Священное Писание постоянно говорит нам о милости Божией: *ею полна земля***[26]**, она нисходит “super omnem carnem”, на всякую

*плоть[27]. Уповающего на Господа
окружает милость[28]. Она
предваряет нас[29],
драгоценная[30] и великая[31].
Господь печется о нас как
вселюбящий Отец, Он вспоминает
нас по милости Своей[32], которая
блага[33] и благовременна... во
время скорби, как дождевые
облака во время засухи[34].*

В Нагорной проповеди Иисус
одной фразой выражает всю
историю милости Божией:
*Блаженны милостивые; ибо они
помилованы будут[35].* И в другом
месте наставляет учеников Своих:
*Итак будьте милосерды, как и
Отец ваш милосерд[36].* В наших
сердцах глубоко запечатлены
уроки милосердия, преподанные
Иисусом: Его притчи о блудном
сыне, о заблудившейся овце, о
милосердном заимодавце. Его
поведение в эпизоде с грешницей,
взятой в прелюбодеянии, и в

истории о воскрешении сына вдовы Наинской[37]. Конечно, чудо воскрешения Христос мог совершить и из чувства справедливости: ведь умер единственный сын бедной вдовы, смысл всей ее жизни, ее опора в старости... И все же не чувство справедливости, но милосердие побуждает Его к действию, ибо Он сжался, видя скорбь человеческую.

Как обнадеживает душу сострадание Господне! *Итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу; ибо Я милосерд*[38]. Это – и призыв, и обещание, которое Он исполняет всегда. *Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи*[39]. Враги нашего освящения бессильны, ибо милость Божия предваряет нас. И

если мы, по своей вине, падаем грехом, то Господь спасает и поднимает нас. Ты научился избегать небрежности, удалять от себя высокомерие, обретать благочестие, не быть рабом земного, не предпочтать преходящее вечному. Но поскольку человеческая природа не может ходить уверенно в этом скользком мире, добрый Врач дал тебе средство против заблуждения, и милосердный Судия не лишил тебя надежды на прощение грехов[40].

Ответ человека на любовь Божию

8 Милость Божия создает питательную среду для роста христианина. Она помогает нам прилагать усилия, дабы вести себя как сын Божий. Каковы же главные средства для утверждения и укрепления

нашего божественного призыва? Назову лишь два из них: это духовная жизнь и познание христианского учения т.е. глубокое познание нашей веры.

Во-первых – духовная жизнь. Многие ли знают, что это такое? Когда люди слышат о духовной жизни, они представляют себе то прохладный полумрак храма, то строгую атмосферу каких-то церковных ризниц... Более четверти века я повторяю, что это совсем, совсем не то! Говоря о духовной жизни, я имею в виду обыкновенных христиан, которые в труде и во время отдыха, дома и на улице беспрерывно обращаются к Богу. А ты – разве ты не чувствуешь потребности постоянно взывать к Иисусу? Ведь непрерывная молитва становится твоим *обожжением*. В сущности, это и есть христианская вера. Святой

Климент Александрийский писал, что становится Богом человек, желающий того же, чего желает Бог[41].

Поначалу это совсем непросто. Мы стараемся, обращаясь к Господу, благодарить Его за действенное отцовское о нас попечение.

Постепенно мы начинаем ощущать любовь Божию как царапину в душе, хоть дело здесь совсем не в наших чувствах и ощущениях. Христос следует за нами как влюбленный: *Се, стою у двери и стучу*[42]. А ты – не чувствуешь ли порой, в течение дня, желание беседовать с Ним о своих делах и событиях своей жизни? Не говоришь ли ты Ему тогда: “Я Тебе расскажу об этом потом – когда буду наедине с Тобой, в молитве”?

Молитва – это время, специально предназначенное для беседы с

Господом и размышлений. В ней изливается сердце и укрепляется воля. В ней, благодатью Божией, человеческая реальность наполняется духовным содержанием. В ней ты обретаешь богатые плоды: ясные и конкретные решения исправиться, обратиться ко всем людям с чуткостью, отдать себя без остатка, как хороший состязатель, в этой христианской борьбе за мир и любовь.

Со временем твоя молитва уже не прекращается ни на минуту, как биение сердца, как пульс. Без этого постоянного богоприсутствия невозможна жизнь созерцательная. А без нее ты вряд ли сможешь работать за Христа – ибо *если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его*[43]. **Самопожертвование – соль нашей жизни**

9 На своем пути к святости обычный христианин не отрекается от мира, ибо мир – это место его встречи со Христом. Он не избирает путь монашествующего, посему ему не нужна особая одежда или какие-либо иные внешние знаки отличия. Знаки его внутренние: постоянное присутствие Бога и неустанное самопожертвование. На самом деле все это – молитва, ибо самопожертвование есть не что иное, как молитва плоти и чувств.

Христианское призвание – это призыв к покаянию, искуплению и умерщвлению плоти. Нам предстоит искупить свои грехи – сколько бы мы ни отворачивали свое лицо от Лика Божьего! – а также грехи всего человечества. Христианин движется вперед по следам Христовым: *Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса,*

Его самоотречение, Его скорбь на Кресте, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем[44]. Наш путь – самопожертвование.

Только на этом пути мы обретаем “gaudium cum pace”, покой и радость.

Поэтому не стоит смотреть на мир глазами, полными печали. Читая жития, мы нередко замечаем, что биографы святых – разумеется, неумышленно! – причиняют ущерб учению Христову, заостряя внимание на необычных явлениях в жизни этих верных рабов Божиих. Мы видим, что они не похожи на нас, порой уже с колыбели. В некоторых житиях говорится, что святой во младенчестве никогда не плакал и в духе самопожертвования по пятницам грудь не сосал... Мы же с тобой появились на свет, как Бог велит – заходясь от плача. И жадно сосали материнскую грудь,

нимало не заботясь о Великом Посте...

Лишь постепенно, с помощью Божией, мы осознали, что жизнь – не череда часов и дней, похожих друг на друга, но “spatium verae poenitentiae” – время, данное нам для истинного покаяния и самосовершенствования.

Умерщвляя плоть, христианин готовится к приятию благодати и побуждений Святого Духа. И вместе с благодатью Божией, повторю, придут мир и радость, терпение и настойчивость на христианском пути[45].

Умерщвление плоти – соль нашей жизни. И лучшее умерщвление плоти – это борьба с ее вожделениями, похотью очей и гордостью житейской. Самопожертвование проявляется во всем, вплоть до мелочей и малых дел, наполняющих наши

дни. Мы выбираем себе умерщвления, которые не умерщвляют других и делают нас более чуткими, более внимательными ко всем людям. Если ты обидчив, если ты думаешь только о себе и унижаешь других, если не умеешь отказаться от лишнего, а порой и от необходимого, если горюешь, когда жизнь идет не так, как тебе хотелось бы, – то уверяю тебя, что ты не понял истинного смысла христианского умерщвления. Но ты все понял правильно, если стремишься стать *всем для всех*, чтобы спасти *всех*[46].

Вера и разум

10 Жизнь в покаянии и молитве, в сознании того, что Бог усыновил нас во Христе, – вот основа благочестия детей Божиих. Благочестие – добродетель детей. Но ребенок полностью предается

Отцу, лишь ощущив и признав свою беспомощность. Молясь, я часто думал о необходимости быть как дети, как младенцы... Веряющие, что духовное младенчество – это признак робости или неопытности в делах житейских – неправы. Все совсем наоборот: для достижения его нужна железная воля, сильный характер и зрелость, закаленная в кузнице жизни.

Мы благочестивы как дети, а не как невежды. Каждому человеку следует серьезно, по мере сил изучать богословие, то есть доктрину Христа, изложенную в научной форме. В жизни христианина должны найти себе место и благочестие детей, и познания богословов.

Устремление к богословскому познанию мира – выверенному и строгому, – проистекает из

страстного желания познать Бога и любить Его. Из страстного стремления души постичь самую суть мира – творения Божия. Находятся люди, стремящиеся с завидным постоянством воскресить старый миф о несовместимости веры и науки, человеческого разума с божественным Откровением. Но это проистекает из поверхностного понимания проблемы. Видимость, выдаваемая за действительность.

Если мир вышел из рук Божиих, если Господь сотворил человека по образу и подобию Своему[47] и одарил его сознание искрой Своего света, то человек должен стремиться к постижению разумом божественного смысла естественной реальности, и верой – сверхъестественного значения всего земного. Мы не должны бояться науки, ибо любое

исследование – подлинно научное исследование, – непременно приводит к истине. То есть – ко Христу, сказавшему: “Ego sum veritas”, Я есмь истина[48].

Подлинный христианин должен стремиться к знаниям. Все может и должно вести к Богу: как мастерство ремесленника, так и отвлеченные научные дисциплины. Ведь нет честного труда, который нельзя освящать и в котором нельзя освящаться. Нет труда, через который невозможно было бы освящение окружающих нас людей. Свет христианской жизни должен светить не на дне долины, но на вершине горы – чтобы люди *видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного*[49].

Труд, учеба, исследование – все обращается в молитву. Все – с утра до вечера – становится поводом

для общения с Богом. Тут главное – единство жизни, простое и крепкое. Ведь работа, обращенная в молитву, становится апостольским служением.

Адвент – время надежды

11 Сего́дня первое воскресение Адвента – и мы уже начинаем считать недели, отделяющие нас от Рождества Христова. Мы размышляли над чудом христианского призыва. Мы видели, что Христос рассчитывает на нас в деле освящения мира. Мы поняли, что с нашей помощью Он хочет приблизить людей к Себе, приобщить их к святости, соединить с Церковью и распространить Царство Божие по всему миру. Господь любит нас преданными и верными, чуткими и влюбленными. Он любит нас святыми – *Своими*.

С одной стороны – гордыня и чувственность, одиночество и эгоизм. С другой – любовь и преданность, милосердие и жертва, смирение и радость. Ты должен выбрать. Господь призвал тебя к полноте веры, надежды и любви. Нет у тебя права жить по принципу “моя хата с краю”.

Однажды в железной клетке я видел пленного орла, грязного, почти без перьев. В когтях он сжимал окровавленный кусок падали. Я смотрел на него и думал о себе. О том, что со мною будет, если я не последую призванию, полученному мною от Бога. Мне стало жаль этого орла, одинокого пленника, рожденного, чтобы подняться к небу и созерцать солнце. И ты можешь вознести́сь до *смиренных вершин любви Божией и служения всему человечеству*, если в твоей душе не останется тайников, куда не

может проникнуть свет Христов. Если отбросишь в сторону все заботы, которые тебя от Него отдаляют – чтобы только Христос царствовал в твоем уме и сердце, в твоих словах и делах. Вся жизнь твоя переполнится Богом – и чувства, и труд, и мысли.

Мы читали в Евангелии:
*Восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше***[50]**. Адвент – это время надежды. Широкий горизонт нашего призыва – то единство жизни, основой которого является присутствие Бога, Отца нашего, – может и должен стать нашей повседневной реальностью.

Проси об этом Марию и духовными очами стремись увидеть, как она ожидает рождения Сына. И она, Матерь Божия, сделает тебя “alter Christus,

ipse Christus” – другим Христом,
Самим Христом!

* Проповедь произнесенная 24 декабря 1963 года.

[1] Пс 25 (24), 4

[2] См. Мф 22, 37; Мк 12, 30; Лк 10, 27

[3] Еф 1, 4

[4] Мф 13, 36

[5] См. Мф 16, 6-7

[6] См. Лк 22, 24-27

[7] См. Мф 14, 31; 16, 8; 17, 19; 21, 21

[8] Мф 16, 16

[9] Мф 16, 23

[10] Св. Иоанн Златоуст, *In Matthaeum homiliae*, 54, 4 (PG 58, 537).

[11] Ин 11, 16

[12] См. Песн 8, 6

[13] См. Гал 2, 9

[14] Мф 4, 19

[15] 1 Кор 15, 8-9

[16] Рим 13, 11-12

[17] 1 Ин 2, 16

[18] Мф 5, 8

[19] См. Дан 2, 33

[20] Рим 7, 21-24

[21] Рим 7, 25 (пер. с Вульгаты)

[22] Быт 3, 5

[23] Притч 11, 2

* Предрождественский пост
(прим. изд.)

[24] Пс 25 (24), 1-3

[25] Тит 3, 4-5

[26] Пс 33 (32), 5

[27] Сир 18, 12

[28] Пс 32 (31), 10

[29] См. Пс 59 (58), 11

[30] См. Пс 36 (35), 8

[31] См. Пс 117 (116), 2

[32] См. Пс 25 (24), 7

[33] Пс 109 (108), 21

[34] Сир 35, 23

[35] Мф 5, 7

[36] Лк 6, 36

[37] См. Ин 8, 3-11; Лк 15, 11-32; Лк 15, 4-7; Мф 18, 21-35; Лк 7, 11-17

[38] Исх 22, 27

[39] Евр 4, 16

[40] Святой Амвросий

Медиоланский, *Expositio Evangelii secundum Lucam*, 7 (PL 15, 1540).

[41] Св. Климент

Александрийский, *Paedagogus*, 3, 1, 1, 5 (PG 8, 556).

[42] Откр 3, 20

[43] Пс 127 (126), 1

[44] 2 Кор 4, 10

[45] Gaudium cum pace,
emendationem vitae, spatium verae
poenitentiae, gratiam et
consolationem Sancti Spiritus,
perseverantiam in bonis operibus,
tribuat nobis omnipotens et
misericors Dominus. Amen.

(Римский Бревиарий: молитвы перед Мессой).

[46] 1 Кор 9, 22 (пер. с Вульгаты)

[47] Быт 1, 26

[48] Ин 14, 6

[49] Мф 5, 16

[50] Лк 21, 28

pdf | document generated

automatically from [https://opusdei.org/](https://opusdei.org/ru-ru/article/khristianskoe-prizvanie/)

[ru-ru/article/khristianskoe-prizvanie/](https://opusdei.org/ru-ru/article/khristianskoe-prizvanie/)

(11.01.2026)